

Валерий Воронин

РОДИНА АРИЕВ

Мифы
Древней Руси

ТАЙНЫ
ИМПЕРИИ
историческая
серия



Тайны империи

Валерий Воронин

**Родина ариев.
Мифы Древней Руси**

«Свет»

2015

Воронин В. В.

Родина ариев. Мифы Древней Руси / В. В. Воронин — «Свет», 2015 — (Тайны империи)

Роман «Родина ариев. Мифы Древней Руси» продолжает новую историческую серию «Тайны империи». «Русский» немец Отто Ульберт вынужден был покинуть свой родной Крым, будучи совсем юным: в 1920 году последний корабль увозил его из Севастополя с остатками разбитой Белой армии. Он вернулся сюда спустя четверть века. Летом 1942 года. Вместе с войсками Вермахта. Тайны Крыма во все времена влекли к себе искателей-одиночек и даже целые государства. Не осталась в стороне и такая организация нацистской Германии, как «Аненербе». Устами одного из её активных участников в романе повествуется о том, что именно искали фашисты в Крыму. Сумели ли они добиться успехов в своих поисках? Тайная работа до сего времени не завершена.

Содержание

Часть I	5
Часть II	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Валерий Воронин

Родина ариев. Мифы Древней Руси

Часть I

Немецкий след

1

Я, Отто Ульберт, вернулся в Крым летом 1942 года. Это была моя родина, и после разлуки почти в четверть века всё моё естество трепетало. Последний раз я видел Крым глазами юноши, теперь же он открылся человеку, прожившему долгую жизнь, почти старику.

Моё нынешнее положение очевидно – майор вермахта. И с оружием в руках я пытаюсь вернуть то, что когда-то принадлежало мне по праву.

Но за этой очевидностью есть невидимый слой правды, способный изменить и моё собственное положение, и судьбы людей, которых я считаю своими соратниками. Именно поэтому и моя нынешняя фамилия, и чин, и даже принадлежность к вермахту являются лишь иллюзией. Точнее сказать – легендой. Почти для всех, кроме узкого круга посвящённых. Но все они остались в Берлине. Я же, в чине майора, – в пыльном и жарком Крыму. Неужели в пору моего детства тоже стояла такая же жара? Я этого не помню...

Тогда наш дом располагался почти в центре зажиточной немецкой колонии недалеко от Симферополя. У нас было своё хозяйство, которым управлял мой дядя. Он получил от одного человека значительную сумму денег и теперь распоряжался ими по своему усмотрению. Я помню, как он водил меня по новому винограднику и рассказывал о разных замечательных сортах. Мой дядя, которого звали Карлом, хотел стать знаменитым на всю Российскую империю виноделом, таким как Лев Голицын. Дядя несколько раз ездил к этому выдающемуся виноделу. И однажды сказал мне: «Он заверил, мол, я оставлю немецкий след в русском виноделии». А мой отец лишь смеялся: «Ты вначале вырасти этот виноград!» Мой отец был старше дяди Карла. Его все уважали в колонии, ибо он был директором нашей новой школы. Отца даже называли «учёным человеком». Это я слышал своими ушами. Но в виноделии он ничего не смыслил. Он считал, что будущее Крыма – не за вином, а за исторической наукой. Тогда мне понять логику отца было трудно, да я и не пытался это сделать. Своё первичное образование я получил в нашей школе. Она была крохотная, и занятия казались мне скучными. Позже я оказался в Симферополе, где и проучился до 1914 года.

А затем началась Первая мировая война. Россия воевала с Германией. Императорская Россия с кайзеровской Германией. И лишь теперь я стал осознавать, что я немец. Все мои чаяния были связаны с победой России. Это была моя родина, и другой я не знал и знать не хотел. Так думали и другие немцы, которые жили в Крыму. Но наше положение стало шатким... Вскоре было принято решение нас переселить из Крыма. Мой отец возмущался: «Где фронт, а где мы!» Но дядя Карл возражал ему: «Наверное, они считают, что мы способны предать Россию и поднять восстание».

Я представил себя в качестве «восставшего немца», который берёт в плен своих же товарищей по гимназии. Жуткая картина! Наверное, дядя Карл обладал недюжинным воображением, если додумался до такого.

Впрочем, вскоре выяснилось, что он прав. Почти всех жителей нашей колонии отправили в Германию. А моего отца – за Урал. Так я оказался в Сибири. Не скажу, что здесь нас

притесняли или относились как к предателям Родины. Отец снова преподавал в школе, а также занимался своей научной работой. По воскресеньям мы ходили в местную церковь. И я мог подолгу смотреть, как медленно горят восковые свечи. Моя матушка была православной, и отец принял православие. Наверное, по этой причине нас и не отправили в Германию.

Я мечтал, что после войны, в которой, конечно же, должна победить Россия, мы снова окажемся в Крыму. Я так скучал по своим друзьям из гимназии, по нашему дому и даже по дядиному винограднику. Кто сейчас за ним ухаживает?

Но всё обернулось по-иному. В России случилась революция, и династия пала. Это так отец сказал: «Сегодня пала династия. Царя больше нет». Но облегчения революция нам не принесла. А вскоре началась Гражданская война. Жуткое время! Власть в городе несколько раз менялась. А затем пришли красные и расстреляли моего отца. Якобы он помогал белым. Он действительно сочувствовал, но не белым, а монархии. Но лишь потому, что монархия обеспечивала порядок, крепость строя и относительную справедливость. А новая власть несла с собой анархию, огульные лозунги и жестокость. Это ведь правда.

Я убежал на фронт мстить за отца. В конце концов оказался в добровольческой армии Врангеля. С ней я отступал до Перекопа, а затем бежал до родного Симферополя. На несколько часов выбрался в родной дом. Там жили чужие люди. Русские люди, такие же, как и я, русский немец. Все мы – бывшие подданные Российской империи, а теперь...

Моя детская комната оказалась такой, какой я её помнил все эти годы. Даже кровать стояла на том же месте. И вид из окна – тот же. Только я стал другим. И все вокруг меня поменялись.

На память я срезал несколько чубуков из дядюшкиного виноградника. Почему-то сердце мне подсказывало – сюда я больше не вернусь никогда.

Бог миловал меня, и вместе с остатками белой армии мне удалось вырваться из Севастополя в Турцию, где я жил вместе с казаками. Но вскоре перебрался в Германию. Здесь мне удалось разыскать дядю Карла. И я предъявил ему чубуки с его бывшего виноградника. Конечно, к тому времени они засохли, и тем не менее... Дядя был несказанно мне рад. Наша семья вновь воссоединилась. Конечно, только частично, в моём лице...

В те годы в Германии жилось тяжело. Страна проиграла войну. Там царили нищета и уныние. Мы даже подумывали вернуться в Крым. Насколько дяде стало известно, теперь на немцев никаких гонений не было. Власть в России стабилизировалась. Но вскоре дошли слухи, что всех мало-мальски богатых людей начали притеснять, отнимать земли, делить и перераспределять по своему усмотрению. И мы никуда не поехали. Как позже выяснилось – поступили правильно.

Дядя вновь занялся виноградарством. За последние годы он оброс кое-какими связями и теперь смог открыть собственное дело. А здесь ещё и случай помог. Дядя отыскал своего старого покровителя, который снабдил его небольшой суммой денег. Но по тем временам это было настоящее богатство! Опыт разведения винограда у моего родственника уже был, так что всё получилось как нельзя лучше. Я чем мог – помогал, отдавая винограднику все свои силы. Так случилось, что в своей жизни я научился лишь хорошо стрелять и идти под пули с криками «ура». Никакой мирной профессии у меня не было. Так что через виноградарство я стал приучаться к мирной жизни. Интересно, что бы сказал по этому поводу мой отец, который относился к «виноградарской мечте» своего брата Карла с большой иронией? Но иного мне не было дано. Я находился в чужой стране и вынужден был подчиняться обстоятельствам и тем условиям, которые предлагала для меня новая родина.

2

Настоящим немцем я стал лишь лет через десять. По крайней мере, к этому времени я перестал скатываться в речи на русский язык, избавился от акцента и изжил в себе старые привычки. Откровенно говоря, со своим русским прошлым я прощался с большой болью. Ведь привычки детства и юности – самые живучие, и человек может пронести их через всю жизнь до самой смерти.

Вскоре я женился на девице, которая была подружкой одной из дочерей дяди Карла. У неё было безусловное достоинство – она была местной, что позволило мне ассимилировать в немецкую среду как можно скорее. А наши дети стали «настоящими» немцами. Они уже не говорили по-русски. И считали Россию чужой страной. Для них это было хорошо. А для меня – горько. Наверняка отец упрекал бы меня за то, что я не обучаю их русскому языку...

Иногда я встречался с однополчанами. Либо кто-то из них приезжал ко мне, либо я сам выбирал момент, когда можно отлучиться из нашего имения. Дядя посмеивался надо мной, мол, из этих встреч, как из осколков, новую Россию не сложить, так что и сердце понапрасну терзать не надо. Наверное, он был прав. Но тем, кто мёрз в окопах и терял лучших друзей, ходил в атаки, всегда было о чём вспомнить и чем согреть душу.

Но дядя мой с прошлой Россией был накрепко связан. Прежде всего, благодаря той сумме денег, которую субсидировал ему старый покровитель, позволив разбить виноградники и открыть своё дело в Германии. Этим человеком оказался князь Юсупов, с которым наша семья была связана ещё в России. Точнее – в Крыму. Дядя Карл какое-то время работал в имении князя в деревне Коккозы. Он был садовником и помогал укрепиться винограднику, саду и парку, которые были заложены рядом с охотничьим замком в красивой горной долине, считающейся по праву одной из изюминок Крыма. Именно после того, как дядя Карл оставил эту работу, он и загорелся желанием завести собственный виноградник. При расчёте он получил от князя Юсупова такую сумму денег, которая впоследствии и позволила ему основать виноградник в немецкой колонии близ Симферополя.

Вторично князь Юсупов помог дяде, как я уже сказал, здесь, на чужбине. Он вспомнил его, и, очевидно, общая ностальгия по Крыму и тому, что кануло в прошлое, на короткое время их сдружила. В результате этого покровительства и появились наши «германские» виноградники. Дядя смеялся: «У меня не получился немецкий след в русском виноделии. Зато я утвердил русский след в немецком виноделии. Что тоже неплохо». Мой дядя при всей своей практичности был человеком с неистребимыми фантазиями.

Как позже выяснится, с семьёй князей Юсуповых буду связан и я. Но прежде я хотел бы сказать, как именно дядя Карл оказался садовником у князя Юсупова. Его рекомендовал столь высокогородному господину известный архитектор Краснов, который и строил этот охотничий замок в селе Коккозы.

А Краснов о дяде Карле узнал от генерала Маркса, к советам которого не раз обращался. Сам же Маркс был другом моего отца, который однажды и шепнул генералу, мол, не поможет ли он ему пристроить его родственника к влиятельным и обеспеченным господам... Так, по цепочке, мой дядя Карл и оказался однажды в юсуповском имении в Коккозах.

Зачем я вспомнил о такой мелочи, интересной лишь моему дяде? Просто здесь имеется продолжение, связанное с одним из порученцев моего родственника. Речь идёт о генерале Марксе. Но об этом я ещё расскажу. Сейчас же я возвращаюсь к моей собственной особе и тем интересам, которым я предавался в молодые годы.

Как-то меня познакомили с молодыми людьми, которые интересовались тайнами истории и вообще необычными явлениями в нашей жизни, которым трудно дать научное объяснение. Я с удовольствием стал участвовать в заседаниях этого кружка. И скажу – вскоре прославился.

Выяснилось, мои знания России оказались столь обширны и глубоки, что меня возвели в ранг лидера.

Вскоре мы стали контактировать с нашими коллегами из других подобных клубов и кружков. Через какое-то время я стал участником общества Туле. Вначале был на вторых и третьих ролях, но впоследствии меня оценили. Дело в том, что я отличался смышленостью и мог на основе каких-то разрозненных фактов делать глубокие обобщения и далеко идущие выводы.

Одни считали это игрой ума, а другие возводили меня в ранг контактеров и причисляли к настоящим мистикам. Я же был уверен, что всё дело в сосредоточенности и правильности мышления. Этому качеству меня ещё в детские годы обучил отец. Он не был никаким мистиком или контактёром. Мой отец был исследователем. А подобное занятие заставляет очень вдумчиво оценивать те факты, которыми ты владеешь. Надо правильно их расставить, найти каждому свою нишу. И тогда между ними воцарится согласие. Такой порядок вещей обязательно приведёт к открытию тех фактов и явлений, которые доселе были скрыты от любопытного взгляда. Здесь не надо торопиться. Вдумчивость и выдержка сами укажут правильный путь к заветной двери. Мне говорят: «У тебя происходит внезапное прозрение. Значит, ты в состоянии контактировать с невидимым миром». Я же уповаю на логику и здравый смысл. Вот и всё.

Что интересно, таких качеств нет у моего дяди Карла. Хотя он больший мистик, чем я. Правда, всё своё умение он проявляет на винограднике. Я сам видел, как он разговаривал с кустами, уговаривая их расти и плодоносить, как гладил ранней весной лозу, жалея её после неожиданных сильных заморозков. Наверное, в каждом деле, если его любишь, надо быть не от мира сего, отдаваясь своему поприщу искренне и без остатка. В этом и состоит главная магическая сила любого мастера. Я здесь не исключение.

Вскоре у меня появился покровитель. Им стал Карл Краузер. Не знаю, чем я ему приглянулся, но этот человек стал явно мне симпатизировать. Нечего удивляться тому, что вскоре мой статус стал выше. Теперь я был допущен в ряды избранных. Правда, до самых-самых я ещё явно не дотягивал, слабоват был, но, тем не менее... Такое отношение ко мне льстило.

Когда появилась организация под научным названием «Наше наследие» («Аненербе»), меня пригласили поработать в ней. Вначале я даже хотел отказаться, не видя какой-то явной для себя перспективы. К тому же цели этой структуры были мне не понятны. По складу ума я был скорее учёным, пытливым человеком, который желает разгадать тайны земли, тайны прошлого, неизвестные физические и другие законы. «Аненербе», как мне казалось, была ориентирована на военные исследования. В своё время, нахлебавшись досыта крови Гражданской войны в России, я не желал больше даже думать об этом.

Карл Краузер меня переубедил. Вначале я был лишь консультантом по определённым вопросам, затем стал участником научных диспутов. Потом меня попросили выполнить одну интересную работу... Постепенно я втянулся, познакомился с людьми. Среди них оказались и некоторые мои знакомые по обществу «Туле». Но самое главное – я оказался в научном отделе, где работали такие же пытливые и увлекающиеся люди, как и я. Наверное, это был самый счастливый отрезок в моей жизни. Мы могли с ходу, массовой атакой ума, коллективным мышлением разгадать самую запутанную загадку или предложить такое оригинальное решение, от которого дух захватывало. Казалось, мы вместе силой мысли можем теперь свернуть горы. Восторг! Вот как бы я характеризовал своё состояние тех лет.

3

Когда началась война с Польшей, а затем и с другими странами, структура «Аненербе» изменилась. Теперь бы я назвал наше научное сообщество военно-исследовательским центром.

Каждый из нас имел свою основную тему. Везде царили порядок и дисциплина, как в армии. Кстати, такая упорядоченность принесла свои плоды. По некоторым направлениям мы продвинулись далеко. Иные же, как малоперспективные, убрали в архив, надеясь вернуться к ним уже после войны.

Впрочем, когда придёт такое время, никто не знал. Молох военных действий раскручивался с нарастающей силой. К тому времени я уже был в звании обер-лейтенанта. А к началу войны с Россией меня повысили до майора. Впрочем, любой чин в «Аненербе» – это условность. Нельзя рангом и званием выделить талант и умение. Они внутри человека. Я лично был знаком с медиумами высшего уровня, на которых висели майорские погоны, как и у меня. Вместе с тем некоторые наши генералы не годились этим людям и в подмётки (впрочем, как и я). Но все мы были вынуждены подчиняться их солдафонским приказам. Дух прусской армии проникал в «Аненербе» всё глубже и глубже. Некоторые из нас противились этому. Другие, как и я, молча ушли в работу. Но восторг, который был вначале, напрочь улетучился. Может быть, я сам стал мудрее или попросту устал?

Война с Россией вызвала во мне противоречивые чувства. Однажды нечто подобное я уже испытывал. Тогда началась Первая мировая война, и все мои мысли были на стороне русской императорской армии. Теперь я, волею судьбы, оказался на другом берегу. Желал ли я победы Германии? Да, конечно. Но не сердцем, а умом. Просто иного выбора мне не оставили. Мне лишь хотелось, чтобы она была быстрой и по возможности бескровной.

Теперь я снова восстановил свои старые связи с однополчанами. Война возбудила в нас былые мечты. Возможно ли падение СССР? Безусловно. А вероятен ли возврат в России старого строя, царской монархии? Многие из нас искренне этого желали. Но наш фюрер наверняка оценивал ситуацию по-иному. И хотя мы все ненавидели большевиков, тем не менее взгляды на будущее России у нас разнились. В результате в наших сплочённых рядах состоялся глубокий раскол. Одни были за войну, другие против неё, ибо не видели никакой перспективы к возврату монархии.

И теперь каждый из нас волен был поступать так, как подсказывала его совесть. Те, кто поверил обещаниям Гитлера, взяли в руки оружие и ушли на Восточный фронт. Другие же, которых я окрестил «мрачным большинством», закрылись в себе, с горечью в сердце переживая случившееся. Это ещё одна трагедия душевного распада русских людей. Первую я наблюдал и был её живейшим участником в годы Гражданской войны. Второй её этап случился в 1941 году. Какая из этих «болей» сильнее? Судить не берусь. Говорят, время лечит. Но я добавлю: время – не учит. Что было, способно вновь вернуться. И одна боль тогда наложится на другую, только усугубив однажды случившееся.

Как-то я заговорил с дядей Карлом, что в скором времени у него появится возможность посетить Крым, оказаться в нашем родовом гнезде, увидеть тот виноградник, который когда-то он лично заложил. Но дядя ответил мне с грустью, что он уже остыл к прошлому. Все его помыслы связаны с семьёй, живущей здесь, в Германии, и никуда, мол, больше он не поедет. Такой ответ удивил. Мне всегда казалось, что дядя только и думает о возвращении на родину. Впрочем, он уже сильно состарился, и жизненный энтузиазм, которым всегда отличался мой родственник, стал быстро таять.

Эх, не знал он, что у меня самого открылись большие перспективы относительно Крыма! Но не мог я, не имел права не то что рассказать о них, но даже намекнуть. Запрет был строжайший. И я, как офицер, как сотрудник особого отдела «Аненербе», должен был подчиняться общим правилам. В этот момент у меня произошла переоценка ценностей. Я из учёного, человека мысли, превратился в военного – человека строгой дисциплины. Данное обстоятельство я констатирую лишь как факт. Особых эмоций во мне оно уже не вызвало. Время меняет нас. А война меняет нас стремительно.

В Крым я ехал с особым заданием и в особом качестве. Ещё вовсю шли бои, ещё не пал Севастополь, а наши структуры «Аненербе» уже раскинули свои сети на все освобождённые от большевиков территории. Но прежде чем остановиться на собственном задании, я сделаю одно небольшое отступление и расскажу о том, как я посетил нашу немецкую колонию и увидел родной дом.

Несмотря на войну, здесь всё выглядело довольно мирно. В Крыму была весна, вовсю цвели фруктовые деревья. Я даже потерялся в этом цветении и благоухании ароматов. Сердце моё сжалось, и я, взрослый мужчина, чуть не разрыдался. Даже не ожидал от себя проявления таких эмоций... Наш дом был цел. Я взшёл на крыльцо и потянул за ручку, дверь тут же открылась. «Эй, есть кто дома?!» – я по-русски крикнул громко, что есть силы. На мой голос отозвался мальчик лет семи-восьми. Но, увидев меня в форме, испугался и хотел убежать. Я, смеясь, удержал его.

На шум вышла его мать. Женщина немного моложе меня, ещё достаточно миловидная. Тоже испугалась. Я представился как первый хозяин этого дома. И она понуро опустила голову. Но я заверил, что выселять их никто не собирается, просто хочу походить по дому, вспомнить своё детство. Я говорил искренне, ибо это была правда. Мне здесь действительно делать было нечего. Обстановка в доме была совершенно иной, дух, запахи – всё чужое. Только стены наши. Внешняя оболочка, как хрупкий мираж давно ушедших дней. Дунь – и она как мыльный пузырь лопнет, не оставив после себя ничего. Даже последних воспоминаний.

Я припомнил, как бывал здесь в двадцатом году, когда вместе с армией генерала Врангеля отступал в Крым под натиском красных сил. Тогда я был молод, все мои чувства были обострены, и дом казался таким родным. А теперь...

Быстро выйдя во двор, я поспешил на виноградник дяди Карла. Дорогу я помнил хорошо, а сейчас удивлялся лишь тому, что она осталась в прежнем виде. А вот виноградник я узнал с трудом. До сих пор я не уверен, что нашёл именно наш, а не какой-либо другой. Прав был мой дядя. Это уже чужая лоза, и полюбить то, что лично не растил, невозможно. И чувства другие, и отношение...

Два или три ряда были обрезаны, и в некоторых местах выступили крупные капли влаги. Шло обильное сокодвижение. Остальной виноград был запущен – некому было заняться обрезкой. Очевидно, хозяина нет. У меня даже руки зачесались от нетерпения. Захотелось сбросить с себя военную форму, надеть привычную крестьянскую одежду и пройтись с секатором по рядам. Вспомнил: в этом году я лишь однажды помогал дяде Карлу на обрезке винограда. А ведь он сколько раз звал!

Решение пришло мгновенно. Я наломал огромный пук лозы и отнёс его в свой бывший дом. Там попросил у хозяйки нож и аккуратно нарезал чубуки. С первой же оказией я отправил самолётом эту посылочку дяде Карлу. Был уверен – часть из них обязательно даст корни. В любом случае дяде будет приятно моё участие в его виноградном деле.

4

Наверное, теперь настал черёд рассказать о том задании, ради которого я и оказался в Крыму. Собственно, это был один из этапов моей многолетней темы, которую я вёл в «Аненербе» и ранее в «Туле». Так что правильнее всего назвать его не заданием, а естественным продолжением моей жизни. Иными словами, реализацией на практике того, что с та- ким кропотливым трудом собиралось в лаборатории «Аненербе».

Чем я занимался все эти годы? Собирал сведения о древностях Крыма. Кстати, началом этой работы послужили исследования, которые проводил мой отец. Ничего особенного в них не было, зато основу дали они хорошую. Больше я ориентировался на разговоры, которые отец

вёл со своими друзьями. И прежде всего – с генералом Марксом. Кстати, очень колоритная личность.

Этот генерал, который мог одновременно служить и царской монархии, и отличался твёрдыми демократическими принципами, сумел собрать огромное число сведений о прошлом Крыма. В конце концов он выпустил книгу «Легенды Крыма». Я читал её и с нетерпением ждал продолжения. Но продолжения не последовало – в том смысле, в котором предполагал я. Легенды, которые записал генерал, относились к узкому направлению его исследований. Почему-то он постеснялся публиковать другие обнаруженные им факты. Возможно, этому помешала Первая мировая война и грянувшая за ней революция с её Гражданской войной. По окончании которой Маркс и умер. Говорят, от старости и переживаний. А куда делся его архив с бесценными сведениями – одному Богу известно. Дорого бы я дал за право первым его открыть...

Мой отец, когда мы оказались на Урале и чуть позже – в Сибири, иногда рассказывал о Марксе. Правда, здесь речь шла о тех исследованиях, которые касались немецкого следа в истории Крыма. Я говорю о переселенцах на полуостров, основавших здесь свои колонии, а также о более ранних сведениях, рассказывающих о пребывании в Крыму выходцев из немецких земель. Самые ранние из них относились к эпохе походов древних германцев (готов) в пределы Северного Причерноморья. Это направление исследований действительно представляло настоящий научный интерес. Ибо связано с возникновением в Крыму «страны Готии», которую можно назвать древнегерманским государством. Дошли до нас сведения и о «стране Дорос», которая существовала в это же время и в более близкие к нам времена. Не исключено, что Готия и Дорос были крепко связаны между собой культурными и родовыми связями.

Отец мне рассказывал, что многие мифы, и не только Крыма, напрямую связаны с пребыванием на полуострове и вообще в таврических пределах наших исторических предков. Древние готы появились здесь не из праздного любопытства. Их гнала в Крым сила, которая сродни магнетизму. Иными словами – магия. Магия прошлого, давно забытого, но живущего почти в каждом из нас. Это зов крови, зов предков, зов древней души. Я не знаю, как по-другому выразить этот призыв. Но он явственно существует!

Именно по этой причине мне кажется, что самые сокровенные тайны Крыма, дошедшие к нам через легенды и мифы, относятся к первым временам человечества. И как хорошо, что я родился именно здесь, вобрав с молоком моей матери всё то, что так ценно и важно каждому человеку.

Теперь понятно, почему я так скрупулезно изучал прошлое Крыма? Да, я желал докопаться до его истоков. В моём отделе подобралась группа энтузиастов, и мы, не жалея времени и сил, по крупицам восстанавливали прошлое Крыма. Понятно, делали это мы не ради праздного любопытства и удовлетворения собственного тщеславия. Одна из основных задач «Ане-нербе» и заключалась в поиске древних корней человечества. Ибо только через них можно было познать тайны прошлого, чтобы построить настоящее и будущее. Не случайно же организация, которой я отдал столько лет и сил, так и называется: «Наше наследие».

Поиски велись не только в Крыму, но и во многих других местах. И каждое направление считалось главным, ибо не было известно точно, где и что отыщется. К сожалению, исследования в Крыму долгое время не были полноценными. Большевики нас попросту сюда не допускали. Конечно, если бы мы сами поделились с ними тем, чем обладали, то наверняка Москва проявила бы большую лояльность. Но «Ане-нербе» ни с кем делиться не желала. Именно поэтому настоящие исследования развернулись в Крыму после того, как наши войска заняли полуостров. Случилось это в середине 1942 года, хотя я сам в числе первых представителей нашего отдела оказался здесь ещё весной, в разгар боёв.

Надо сказать, действительность меня крайне удручила. Та сказка о победном шествии немецкого вермахта, которую мы сами и сочинили, оказалась абсолютно несопоставима с

той кровавой реальностью, с которой приходилось сталкиваться на фронте ежедневно. Молох войны перемалывал миллионы людей. Страшно было даже думать о той великой цели, к которой мы стремились. А цель ли это вообще? Может быть, в конце всех нас ожидает нечто неправомерно ужасное?

Один из моих близких друзей, коллега по отделу, человек совестливый и настоящий медиум, попросту застрелился. Наверное, он увидел такое, что жизнь его потеряла какой-либо смысл. Я ничего такого не видел, ибо по «наитивным» способностям значительно ему уступал. Да и мыслил прагматичнее, не принимая всё так близко к сердцу. Этому меня научила Гражданская война в России. Именно после её завершения я тоже потерял веру в будущее и какой-либо смысл в продолжении жизни. Так что прививку от самоубийства я получил ещё в 1920 году, когда уплывал из Севастополя с остатками разбитой белой армии. И разве один я был такой?

Кстати, о Севастополе. После того как армия Манштейна сумела взять эту крепость, мне удалось там побывать. Город был разрушен очень сильно. Я бродил по набережной, которая называлась Приморским бульваром, и долго смотрел на море. Так провожали в 1920 году уходящие в Турцию корабли те, кто не смог на них попасть. Говорят, большевики расстреляли остатки белой армии, не сумевшие покинуть Севастополь и уплыть в Европу.

И вот ситуация повторилась с точностью до наоборот. Только теперь немецкая армия взяла Севастополь. А остатки сил большевиков в огромном числе оказались прижаты к морю и в конечном итоге попали в плен либо были перебиты. Это что, такое возмездие?

Забегая вперёд, скажу, что ещё через два года ситуация вновь повторилась. Только теперь Красная армия взяла Севастополь, зажав наши части у кромки воды. И вновь множество смертей и плен. Только теперь участь русских постигла немцев. И что за место такое этот Севастополь! Может быть, и в самом деле здесь живёт кроважидный Молох, который не знает пощады и требует для себя всё новых и новых жертв?

Кажется, мой товарищ застрелился вовремя. Хотя тогда, в жаркие дни 1942 года, я этого ещё не понимал. Для меня экскурсия по Приморскому бульвару была лишь данью воспоминаний о юности и моих боевых товарищах, навсегда покинувших родину.

5

Теперь о главном. В Крыму мой отдел интересовало несколько конкретных точек. Одна из них находилась в Новом Свете, где когда-то располагался винзавод князя Льва Голицына. Ещё одна – в районе мыса Айя. Кроме того, нас интересовал Мангуп и пещерные города юго-западного Крыма. Лично я со своей командой находился в селе Коккозы, где располагалось бывшее имение князя Юсупова. Это место мне хорошо было известно по прошлой жизни. Именно здесь когда-то работал в качестве садовника мой дядя Карл. И я не раз гостил у него. Так что мои детские воспоминания наложились на впечатления сегодняшнего дня. Юсуповский замок, или, как его называли, «дом охотника», был цел и невредим. Большевики его пощадили, не разрушив и не осквернив, как святыню. Впрочем, о втором назначении замка они вряд ли догадывались. Сия информация была от них надёжно скрыта.

Собственно, о необычности юсуповского замка даже я сам узнал абсолютно случайно. И не в свои молодые годы, когда я приезжал сюда к дяде Карлу, а гораздо позже, уже после начала Второй мировой войны. Можно сказать, что я был главным специалистом по юсуповскому имению. Хотя, если честно, не единственным. Были и другие. По крайней мере, один такой человек мне был известен лично.

Однажды меня вызывал к себе генерал Краузер и сообщил, что создана «Группа 124», которую он возглавил, а я включён в её состав. Мой покровитель не упускал меня из виду все эти годы. У Карла Краузера на юсуповское имение в Коккозах были свои виды. И он очень

хотел, чтобы в составе этой группы были люди преданные и проверенные. Мозговой центр группы и располагался в охотничьем замке князя Юсупова.

Одна из основных моих разработок имела к охотничьему замку самое непосредственное отношение. Именно поэтому основной задачей группы 124 и было продолжение этой темы, которая теперь называлась проект «Замок». О нём был хорошо информирован рейхсфюрер СС Гиммлер, которому генерал Краузер докладывал о нашей работе лично. У Гиммлера, когда-то создавшего «Аненербе», было достаточное число всевозможных проектов, и наш, возможно, затерялся бы в их числе. Но позже рейхсфюрер СС понял его значимость и стал проявлять к нам большой интерес.

Состав нашего «мозгового центра» постоянно менялся. Одни люди уходили, другие приходили. Если же брать всех, кто так или иначе был задействован в проекте «Замок», начиная от внешней охраны и заканчивая магами и контактёрами, то в пиковые моменты число людей доходило до 500 исполнителей. Это немало.

Конечно, почти половину из них составляли охрана и служба нашей безопасности. В Крымских горах орудовали партизаны, и их число было значительно. А в сёлах жило немало людей, им сочувствующих. Это были их глаза и уши. Так что нам нужно было быть сверхосторожными, чтобы не нарваться на засаду. Приходилось всячески маскировать свои действия, чтобы местное население не обнаружило наш интерес к тем или иным местам в горном Крыму. Глупо было бы погибнуть от партизанской пули в момент, когда ты находишься на пороге великого открытия.

Именно поэтому наша форма даже по внешнему виду ничем не отличалась от формы тех спецотрядов, которые занимались уничтожением партизан. Нередко местные жители принимали «Группу 124» за обычных карателей (как они называли наши подразделения). Но и командиры этих спецотрядов ничего не знали о наших целях. Считалось, что мы призваны координировать их же деятельность. Что же касается проекта «Замок», то о его наличии даже среди членов «Группы 124» знали лишь немногие.

В чём же его суть? Сейчас об этом можно сказать не таясь. Мы исходили из концепции, что в Крыму имеется несколько мест с очень насыщенной духовной силой. Все эти точки, как правило, природного происхождения и связаны с необычной геологией крымских горных массивов. Но в древности кто-то уже вычислил эти места и устроил на их основе очень мощные духовные системы. Другого термина для обозначения этого явления я пока не нашёл. Можно назвать их порталами, местом выхода в иные миры, точками контакта с высшей силой или же капищами древних богов. Это суть единое понятие.

Назначение у этих мест может быть различным, а суть одна. Это древние корни человечества. Та первооснова, откуда произошёл наш род и развился наш дух. Впрочем, с последним многие мои оппоненты из «Нашего наследия» не соглашались, считая, что такие корни следует искать не в Крыму, а в других местах.

Из-за этого недоверия ко мне «Группа 124» потеряла слишком много драгоценного времени, которого и так у нас было очень мало. Но об этом я ещё скажу.

По моему глубокому убеждению, юсуповский охотничий замок в Коккозах находился в точке проявления таких духовных сил. И построен он был здесь вовсе не случайно. Князья точно знали, где следует возводить подобное сооружение и для чего оно предназначалось. Скорее всего, они были из числа посвящённых в тайны Крыма. По крайней мере, в какую-то часть из них. В любом случае, их действиями руководило Провидение, и с этим поспорить было нельзя.

Я уже говорил, что «мозговой центр» нашей группы часто меняли. Одни люди приходили, другие покидали нас. Как правило, новички, попадавшие к нам, были из числа медиумов. Некоторых я знал ещё по довоенной жизни, с другими виделся впервые. Их задача заключалась в том, чтобы проверить правильность тех действий, которые мы совершали, либо найти на

местности свидетельства того, что в древности здесь было что-то величественное, возможно, имевшее божественное происхождение.

Далеко не все справлялись с такой задачей. На некоторых медиумов наваливалась какая-то непонятная потусторонняя сила, и у них иссякал талант предвидения. Из чего мы делали вывод, что здесь присутствует сильнейшая защита, кем-то установленная, чтобы любопытные не смогли проникнуть в суть сохранения здесь тайн. Это только раззадоривало нас, заставляя действовать с удвоенной энергией. Поиск путей для преодоления этой защиты продолжался ежедневно.

Однажды к нам доставили человека по имени Веймер. Точнее сказать, его называли «маг из Веймера». Настоящего имени его никто не знал. Держался он всегда особняком, ни с кем не разговаривал и производил впечатление человека не от мира сего. Прежде в «Аненербе» я его не встречал, а Карл Краузер не распространялся о прошлом этой загадочной личности.

Вскоре мы пошли на вершину горного массива Бойко, который примыкал к селу Коккозы. И маг из Веймера устроил там настоящее цирковое представление. Это я так назвал то, что видел своими глазами. Глубокой ночью мы разложили в разных местах огромные костры и зажгли их. Пламя бушевало нешуточное. Прекрасная цель для партизан! Если бы у них имелись хорошие миномёты или гаубицы, они бы смогли накрыть нас мгновенно. Впрочем, всё обошлось.

Я спросил, зачем это представление? Но наш веймерский глашатай молчал, лишь вглядывался в эти яркие языки пламени. Не сумасшедший ли он? Впрочем, утром всё разъяснилось.

6

Веймер заявил, что он видел древний град, который был очень похож на крепость. И в нём жили люди царского рода, можно сказать, имели в себе божественное происхождение. Как это «имели в себе»? Но я не стал уточнять такие мелочи. Маг говорил быстро и сбивчиво, как будто бы боялся, что его остановят, не дав сказать главного. Но Веймера никто не перебивал. Дали ему высказаться.

А костры он возжёт специально. Ибо в его видении всплыла такая картина. Крепость имела башни, а на башнях возжигалось пламя. За счёт какой-то силы языки пламени поднимались очень высоко, при этом закручивались по спирали, как вода в водовороте. Получался настоящий огненный вихрь. А башни со стороны напоминали огненные, устремлённые в небо остроконечные завихрения. Они внешне были похожи на башни Московского кремля. Сама же крепость и называлась кремлём... Или, как тогда говорили – кром.

Я подумал: «Как похоже на „Крым“». Не отсюда ли возникло и название самого полуострова? Своими размышлениями я позже поделился с моим шефом. И они его заинтересовали. А спустя время он меня поздравил, мол, молодец, догадался о главном. Наверное, Карл Краузер с кем-то предварительно консультировался.

После этого генерал забрал мага из Веймера и отбыл с ним в Берлин. У меня сложилось впечатление, что этот провидец сказал нам не всё. Имелась и другая информация, которую он мог поведать лишь тем людям, которым доверял лично.

Отъезд Карла Краузера привёл к переменам в наших рядах. Теперь «Группу 124» возглавил полковник Эрнст Шуберт. Я хорошо его знал. Прежде он считался заместителем Краузера по проекту «Замок». Худощавый, подтянутый, высокого роста, с рыжими волосами. Ему бы ещё и глаза голубые добавить – и тогда можно портрет писать, как с настоящего арийца. Но у Эрнста глаза были тёмные, я бы сказал, потухшие. Живостью и энтузиазмом они никогда не светились. Это был настоящий служака, хороший организатор, но человек далёкий от науки и тонких наблюдений. Как он вообще к нам попал, не понимаю... Впрочем, у моего нового

патрона имелось одно очень хорошее качество. Он своих не предавал. А в нашем деле это было немаловажно.

Через какое-то время из Берлина прибыл курьер от Краузера с предписанием для полковника Шуберта. Привёз он личное послание и для меня. Мой шеф хвалил меня, говоря, что все мои предположения относительно охотничьего замка Юсупова подтвердились. Я действительно был прав. И в большом, и в малом. Вывод напрашивался явный. За этим должны последовать конкретные действия. Карл Краузер не любил долго размышлять, отличаясь решительностью и быстротой.

И такие действия последовали немедленно. К нам прибыло большое пополнение. Целое спецподразделение! Здесь были и инженеры, и люди всевозможных, самых разных специальностей, и медиумы. Да не один-два, а целый коллектив. Они что там, в Берлине, научились их штамповать, как боеприпасы?

Кстати, были они одеты в одинаковую форму с особыми нашивными знаками. Таких я прежде не видел. Не знаю, как это может нам помочь. Говорю о знаках, а не о людях. Увлечение избыточной атрибутикой вопреки здравому смыслу никогда не приносило ожидаемого результата. Но высказать своё мнение куда-то «наверх» я не мог. Оставалось лишь следовать в общем фарватере и подчиняться воле Берлина.

Надо сказать, к тому времени мы подготовили несколько опытных проводников из местных жителей. Правда, и сами уже неплохо знали горы, но всё-таки...

Скажу особо о жителях тех сёл, где нам приходилось устраивать своё временное пристанище. Были там люди лояльные, были и скрытые враги. Отличить одних от других оказалось делом крайне сложным. Многие нам не доверяли. С жителями сёл требовалось установить хорошие отношения, хотя бы с частью из них. Подобным занимались те, кто мог говорить по-русски, а лучше – по-татарски. Таковых в нашей группе было двое. Кроме меня ещё и Зигмунд Липински. Он отличался знанием многих языков, к тому же внешне походил на восточного человека. Переодень такого в татарскую одежду – ни за что не отличишь от жителя Коккоз. В будущем мы это его качество использовали в нужных для нас целях.

Помню, как однажды к нам обратилась местная жительница из русских. Мол, арестовали её племянника, мальчишку лет пятнадцати. За связь с партизанами. Завтра должны расстрелять. А он ни в чём не виноват. Плачет женщина, еле оттащили её. И вдруг...

Была у нас одна мрачная личность – полковник Карл Фридрих. Он являлся личным представителем рейхсфюрера СС Гимлера в «Группе 124». Стоял он всегда особняком и внешне ни во что не вмешивался. Но обо всём был осведомлен лучше каждого из нас. Не сомневаюсь, что его донесения ложились на стол рейхсфюрера даже раньше, чем генерала Краузера. Не исключаю, что полковник Эрнст Шуберт негласно брал у него разрешение на проведение тех или иных операций.

Мы называли, конечно между собой, полковника Карла Фридриха «соколиным глазом». Дело в том, что у него не было одного глаза, а второй впивался в каждого из нас так, как будто все мы были его потенциальной добычей. Этот глаз был голубого цвета, как у настоящего сокола. А село Коккозы, где находилась наша группа, с татарского языка переводится как «голубой глаз». И в княжеском охотничьем замке имелся фонтан с изображением голубого глаза, а также оконный витраж со сходным орнаментом. Можно сказать – здесь процветал культ Глаза.

Так что назначение к нам в качестве куратора из Берлина человека с таким увечьем и вместе с тем с таким явным проявлением трактовки местности, где мы обитали, было не случайным. Но об этом я ещё скажу. Пока же я хотел остановиться на эпизоде с пятнадцатилетним парнишкой.

Наш «соколиный глаз» приказал его освободить, и благодарная женщина бухнулась ему в ноги в знак признательности за проявленное милосердие. Я был сему свидетель, так как служил

полковнику переводчиком при данном разговоре. Позже я спросил у Карла Фридриха, зачем он отпустил парня. Наверняка же он связан с партизанами. Но полковник вдруг разозлился на меня и жёстко отрезал, что я ничего не смыслю, парень теперь не опасен.

Такой поступок полковника действительно повернул в нашу сторону часть жителей села. К нам стали относиться значительно лояльней. Я хорошо знаю русский и татарский языки и, конечно же, слышал их разговоры или отдельные отрывочные слова, долетавшие до моего уха, касающиеся лично нас. Могу подтвердить, что милосердный жест нашего «соколиного глаза» сделал больше, чем вся агитация и иные действия, предпринимаемые для налаживания нужных нам отношений с местными жителями.

Собственно, их лояльность требовалась на короткий промежуток времени – пока «Группа 124» не реализует до конца проект «Замок».

7

Хочу вернуться к личности полковника Карла Фридриха. После инцидента с мальчишкой его стали в Коккозах уважать. Впрочем, как и меня, считая, что я поспособствовал освобождению парня. Но моей заслуги здесь не было. Зато теперь появилась уверенность, что мне стало в Коккозах чуть-чуть безопаснее. А вот наши отношения с полковником разладились. Ещё раньше «соколиный глаз» невзлюбил генерала Краузера. Я же был протезе последнего. Но полковник терпел меня как знатока местности и языка жителей, где мы находились. Теперь же он посчитал, что я не понимаю чувств людей и плохо разбираюсь в нравах жителей Коккоз. Впрочем, и я после его резкого ответа не питал к «соколиному глазу» добрых чувств. К сожалению, ни его, ни меня по ряду причин заменить было нельзя, и мы вынуждены были терпеть друг друга ещё долго. Скажу сразу – эта история найдёт своё неожиданное продолжение.

Сейчас я бы хотел остановиться на нашем «соколином глазе», названии села Коккозы (голубой глаз) и культе Глаза, засвидетельствованного в архитектуре юсуповского охотничьего замка. Всё сводится к одному – к понятию по имени «Глаз». Что это такое? Самое вероятное объяснение – портал. Небесные Врата в иные пространства, миры, цивилизации. Одновременно и в прошлое, и в будущее. От подобной перспективы встречи с неведомым дух захватывало! Иные говорили: это фантазии, за которыми ничего нет. Но я в корне не был согласен с этими пессимистами. Просто с древнейших времён в понимании Крыма остались свидетельства прошлых знаний, сохранившихся от древних цивилизаций. Это не моё открытие. Об этом мне сказал ещё отец. А ему – будто бы генерал Маркс. Так что такому уважаемому исследователю древностей Крыма верить можно.

Но всё это – лишь наши догадки. Их требовалось подтвердить фактами. Но как их разыскать? В таком тонком деле нам очень пригодились люди уровня мага из Веймера. И они были у нас. Маг из Веймера одним из первых подтвердил, что в районе массива Бойко существует гигантский портал, или Звёздные Врата. Затем это подтвердили и другие.

Но портал и Глаз – суть единые понятия. Они явственно говорят о присутствии здесь в древности первых учителей человечества, которых можно назвать богами нашей цивилизации. И тогда Карл Краузер сделал гениальное предположение.

Существовало древнегерманское предание о сотворении мира и о структуре мироздания. Той его части, с которой человечество непосредственно связано. Обитаемая часть земли, где живут смертные люди, называется Мидгард. Она отгорожена от внешнего, враждебного мира (Утгарда) стеной, сделанной из ресниц великана Имира, который и является творцом этого мира.

Внутри Мидгарда находится Асгард. Это возвышенное место, где обитают боги. Оно представляет собой крепость, которая имеет прямую связь с небесами или попросту является их частью.

Почему же Мидгард отгорожен от внешнего мира ресницами Имира, а не чем-нибудь другим? Разве ресницы смогут защитить людей? Возможно, здесь дело в чём-то ином, например, неверном понимании слова «ресницы». Но мой патрон предложил следующую версию. То, что находится внутри овала и по контуру чего находятся ресницы, называется глазом.

По аналогии и ресницы Имира должны находиться вокруг Глаза. Иными словами – портала. А применительно к древнегерманскому мифу – это есть Мидгард с его центральной зоной (зрачком) под названием Асгард.

И тогда мифическая область обитания богов совпадает с местом, где находился охотничий замок князя Юсупова, включая прилегающую территорию.

Что нам известно об Асгарде? Здесь обитали боги – асы. Асгард, как крепость, находилась в Северном Причерноморье, где-то в районе реки Дон. Так что даже мифология германцев и скандинавов помещает столицу древних богов в эти же земли. Могу сказать, что именно мои знания русского и старославянского языков помогли расшифровать это название как град (гард) асов (Асгард). Очевидно, существовали в глубокой древности основы, сблизившие скандинавскую ветвь народов с древнерусской. Отсюда и общность в названии. Я сейчас размышляю о слишком опасных для меня вещах, поэтому предпочту на этом поставить точку.

Сейчас я возвращаюсь к нашей мифологии. За пределами Мидгарда существовала земля под названием Утгард. Здесь обитали великаны. А за ней – океан, в котором жил огромный Змий (Мировой змий). Асы противопоставлялись змию, как добро противопоставляется злу, и вели с ним борьбу. В частности, один из них – Тор несколько раз вступал с ним в схватку.

Чтобы добраться до пределов владений змия, Тору приходилось пересечь земли великанов, чтобы затем добраться до океана. Существует целый ряд преданий о неоднократном посещении Тором Утгарда и целые сюжетные линии его контактов с этими исполинами. По всему выходит, что месторасположение асов с их крепостью Асгард должно находиться от земель великанов не так уж далеко, если не соседствовать вовсе. Ведь нам не были известны истинные размеры их Асгарда, а также Мидгарда и Утгарда.

Вместе с тем из целого ряда источников я и мои коллеги владели информацией, что в акватории, омывавшей крымские берега, действительно обитал морской змий исполинских размеров. Такие случаи были зафиксированы и в древние времена, и в наши дни, даже несколько лет назад. Достаточно вспомнить эпизод с известным русским поэтом М. Волошиным, лично видевшим это чудовище в море близ Коктебеля.

Я помню такой случай из личной жизни. Однажды мать и отец поехали со мной в Бахчисарай. Был большой христианский праздник. И тогда какой-то священник убеждал паству, что когда-то в Крыму была битва со змием. И этот монстр был якобы побеждён. И убил его Георгий Победоносец, а не Тор. Очевидно, отголосок древних событий был преобразован и переосмыслен церковниками на свой лад. Так родилось утверждение, что Георгий Победоносец победил змия в Крыму.

Многие прихожане, слушавшие священника, согласно кивали головой. Очевидно, о подобном они уже слышали, и не раз. Я же был крайне удивлён, и дома пытался выяснить у отца, неужели Георгий Победоносец жил в Крыму? На что отец ответил уклончиво, мол, он таких сведений не имеет. А вот в море надо быть осторожнее и далеко от берега не заплывать. На всякий случай. Но мы крайне редко выбирались на море, так что вскоре я позабыл наставления отца.

Самые свежие сведения о наличии змия пришли уже совсем недавно. В руки моего руководства попали бумаги, относящиеся к деятельности подводного флота СССР в пределах Чёрного моря. Среди прочего имелись свидетельские показания одного экипажа подводной лодки о встрече с огромным змием. К сожалению, пока ни один немецкий моряк его не видел. А если и видел, то пока сообщения подобного рода до меня не дошли. В любом случае, приме-

нительно к нашим исследованиям, факт наличия змея-монстра в пределах, прилегающих к Крыму, крайне важный.

8

Теперь я хотел бы остановиться на земле великанов под названием Утгард. В определённом смысле это пограничная земля между морскими владениями мирового змия и Мидгардом, где обитали люди. Есть предположение, что великаны владели прибрежной кромкой земли, являясь хозяевами побережья вдоль территории Мидгарда. И тогда трактовка названия Утгард – «прибрежная граница (град)». Хотя по этому поводу есть целый ряд других трактовок и целых теорий, смысла приводить которые у меня нет.

Я хотел бы сказать о самих обитателях Утгарда. Это великаны, которые называются словом «ётуны». Трактовка этого понятия крайне сложна. Но пробиться к его пониманию через древнегерманский язык ни я, ни мои коллеги, ни вообще учёные Германии не смогли. Все так называемые «расшифровки» не выдерживают критики. Зато наши маги убедительно доказали, что «ётун» – не что иное, как «колдун» или «видящий как маг». Скорее всего, речь идёт о способностях великанов к наитию и их умении проводить магические ритуалы и заниматься чародейством. Очевидно, по этим способностям они когда-то прославились и именно этим отличались от обычных людей, у которых подобные качества развиты слабо.

Зато в русском, точнее древнерусском и старославянском языках, есть слово «вед» (веды, ведун), и оно переводится как «знание», «чары», «колдовство». И вообще относится к человеку, наделённому такими качествами. Речь и о жрецах, и о колдунах, и о ведунах (ведающих людях). Не исключаю, что древнегерманское «ётун» и древнерусское «ведун» – однокоренные слова и взяты когда-то из одного источника. Они даже по созвучию близки. Но если это так, то такое сближение языков указывает на их родственную связь в прошлом. Что никак не согласуется с нашими новейшими представлениями о происхождении народов, и в первую очередь арийской расы, к которой отношу себя я.

Вместе с тем, как учёный, а не как немец, я вынужден провести исследования «линии великанов» дальше. Дело в том, что у ётунов было и другое древнее название – «турсы». Что трактовалось как «башня» («житель башни») или же «сами как башня» (то есть очень большие). Отсюда возникло слово «торс» (обладатели большого торса). Скорее всего, великаны таковыми были на самом деле. С одной стороны, огромными, как башня, и, соответственно, сильными. С другой – обладавшими магической силой и колдовством. Попробуй с такими сладь! Другое дело, иметь их в качестве союзников. Хотя бы не их лично, но их духовные способности, знания и магические ритуалы – нам бы крайнегодились...

К сожалению, существовало одно препятствие. Я знал, что слово «турс» значит не только «башня». Это ещё и «до рус», то есть «относящийся к Руси». Как это понимать? Выходит, эти великаны имели прямое отношение к какой-то древней, мифической Руси.

Из других источников мне было известно, что в древности действительно жили люди огромного роста, которых звали руссами. Не исключаю, что в нашем случае речь идёт об одних и тех же исполинах, ареал обитания которых – Северное Причерноморье и остров Крым.

Наши новейшие исследования выявили следы проживания этих великанов в районе мыса Айя близ Балаклавы. Именно поэтому часть сотрудников «Анерберге» стала изучать данную местность, как очень перспективную, наравне с Мангупом и селом Коккозы, где сосредоточилась «Группа 124».

Совсем рядом с мысом Айя расположены город Балаклава и Херсонес (Севастополь). Древние города. Если учитывать, что ещё до нашей эры греки построили полис Херсонес и стали хозяевами всего юго-западного Крыма. Классик мировой культуры, древнегреческий писатель Гомер в одном из своих произведений рассказывает о путешествии по Чёрному морю

легендарного героя Одиссея и его спутников. Именно здесь он столкнулся с агрессивными великанами, которые чуть было не уничтожили всех его товарищей и лично Одиссея. По описаниям, место, где случилась такая «тёплая» встреча, полностью совпадает с нынешней балаклавской бухтой. Я её хорошо помню ещё с дореволюционных времён. А сейчас смог освежить свои впечатления, вторично здесь побывав. Но теперь я смотрел глазами пытливого учёного, стараясь запомнить любую деталь, любой характерный поворот побережья или излом горы. Балаклава хранила большие тайны прошлого. Я не сомневался в этом. Только где тот ключик, который ведёт к их открытию?

Гомер называл великанов листригонами. Вообще же греки именовали этих мифических гигантов атлантами, то есть атлетически сложенными людьми. Что роднит понятие «турс» (торс) и «атлант» (атлет). В обоих случаях речь идёт об их внешнем виде, но не указывает на их местопребывание. А вот трактовка названия «турсов» как «до русов», говорит о том, что они связаны с местностью под названием Русь. К тому же существование в Крыму легендарной страны Доро (Дорус) по созвучию близко к «турс». Вполне логично сделать вывод, что великаны обитали именно здесь. Но тогда это не просто их родина, но и первейшее название данной области – Русь. Если это так, значит, здесь находятся корни Руси, то есть современной России и вообще русских людей. Ещё в бытность проживания моего в нашей немецкой колонии я нечто похожее от отца уже слышал. Но ему, как немцу, данное утверждение не было особо интересно. Просто он, минуя его, пытался докопаться до древнегерманских корней. И каждый раз выходило, что древнерусская основа и древнегерманская на крымской земле были крепко переплетены, что ставило его в тупик. Либо он в чём-то принципиально ошибался, либо нас всех ввели в великое заблуждение. Но развивать тему единства русских и германских племён я не буду, ибо это чревато для меня самого по всем понятным причинам.

С детских лет я знал одно из лучших творений человеческой культуры – поэму Пушкина «Руслан и Людмила». В ту пору я относился к ней, как к сказке, за которой ничего не стоит, кроме гениальной фантазии великого русского поэта. Кто такой Руслан – былинный великан-богатырь, сведения о котором дошли до нас из глубоких времён? Такое же имя (или слегка видоизменённое, как Рустам) существует у целого ряда тюркских и восточных народов, и относится оно к человеку-гиганту, став из нарицательного – собственным. Но мне сейчас кажется, что так изначально называли всех великанов, обитавших в определённой области земли либо считавших её своей прародиной.

Хочу поделиться своими детскими воспоминаниями. Когда впервые я побывал в Коккозах, дядя Карл, пригласивший меня в гости в имение князя Юсупова, старался показать племяннику самое интересное, что окружало охотничий замок либо находилось внутри его. Мы посетили Большой каньон и прекрасный Серебряный водопад (кажется, он так назывался). Но больше всего меня заинтриговал вид огромной горы, к которой примыкало село Коккозы. Эта гора составляла с несколькими другими горный массив, который теперь называют как массив Бойко (кажется, тогда его именовали по-другому). Но имя горы, которая так привлекла моё внимание, не изменилось. С древних времён и по сей день она называется Богатырь.

И это не просто дань её грозному виду с величественными отвесными скалами, вздымающимися к самому небу. Нет. Просто по внешнему своему контуру и в мельчайших деталях скал она удивительным образом похожа на лежащего в шлеме русского богатыря, каковым его изображают, как былинного героя, на картинах русские художники. И здесь сходство было такое, что я глаз не мог отвести. Как будто бы сам Творец мастерски высек волшебным зубилом этого великана-воина.

Может быть, поэт Пушкин, который бывал в Крыму и живо интересовался древностью этого края, писал своего Руслана, основываясь на легендах, связанных с горой Богатырь? Или вообще эта гора-богатырь стала толчком к появлению легенды о Руслане-Рустаме, а молодой

Пушкин лишь уловил его суть и, почувствовав реальную основу, создал свою поэму? Не знаю. Но связь здесь явная, и она существует.

9

Я не собираюсь проследивать творческие искания Пушкина. Меня интересует конкретная гора Богатырь. Напомню, что в древнейшей мифологии германцев есть упоминание о крепости, в которой обитали боги асы. Асгард построили не они сами, а некий великан. И здесь речь уже идёт не об Имире и его ресницах, а о ком-то другом. Этому великому строителю прошлого помог его конь, судя по всему, существо тоже необычного происхождения. Мне представляется, что гора Богатырь имеет непосредственное отношение к строению Асгарда. Здесь связь прямая, и иных доказательств для меня не требуется. Другое дело, кем этот богатырь-строитель приходился Имиру. Они близкие родственники или, быть может, речь вообще идёт об одном и том же великане. Я подумал, что имя Имир очень похоже на Меру (Мер). Так называлась у древних индусов гора, на вершине которой обитали боги. Не могло ли случиться так, что индусы тоже почерпнули информацию о нашем общем прошлом из того же источника, что и мы сами?

Если же прочесть имя Имир в обратном порядке, то у нас получится «Рими». Но здесь явно слышится «Крими» (Крым!) и далее – кремль. Здесь я вновь возвращаюсь к видениям мага из Веймера. И невольно ещё раз выхожу к древнерусскому следу... Что же, все народы почерпнули древние знания из одного истока, а затем разнесли их по всему миру? Причём русские люди не отошли от него слишком далеко, а затем и вовсе вернулись назад, когда Крым стал частью России. А вот мы... и тем более индусы...

Теперь у меня было чёткое представление, почему наша древняя мифология даёт именно такую, а не какую-либо иную структуру древнего мироустройства первой из человеческих цивилизаций.

В её центре (на горном массиве Бойко) была устроена крепость Асгард, где обитали асы. Очевидно, в состав этой крепости входили и примыкавшие вплотную к массиву горные долины, в одной из которых и находится юсуповский охотничий замок.

Далее – шла страна, где жили люди. Называется она Мидгард. Реально на местности – горные плато и внутренние долины крымских гор, весьма удобные для проживания и действительно заселённые людьми с древнейших времён.

За Мидгардом следует крымское морское побережье, где жили великаны (ётуны-доруны!). Это страна Удгард. Она окружает Мидгард со всех сторон. Так географически устроен полуостров Крым. И так исторически следует понимать древнегерманские мифы. Далее, за Удгардом, располагается море, где обитает мировой змий. В действительности Крым омывается Чёрным и Азовским морями. Эта враждебная человеку стихия стала обиталищем змия-монстра, которого не раз видели в прошлом и видят сейчас недалеко от крымского берега.

Всё сходится! Миф об Асгарде и его божественных обитателях-асах, а также о структуре устройства человеческой цивилизации абсолютно точно накладывается на рельеф местности Крыма. И именно этот рельеф, точнее, география полуострова дала основу для исторического закрепления происхождения человечества. Здесь жили асы! Это божественная страна! И нет нужды искать другие первоистоки где-либо ещё.

Теперь мне было понятно, почему древние готы покинули свои привычные места обитания на Балтийском море и совершили стремительный поход на юг, по древнерусским землям. Они желали попасть в Крым, на свою прародину. Здесь сохранялся с глубоких времён источник их легенд и их наследственная сила. Они вернулись сюда, преодолевая все трудности пути,

и стали жить в Крыму, как когда-то здесь жили их пращуры. Можно сказать, Асгард притянул их к себе, как магнит притягивает металлическую стружку.

Какими сведениями пользовались готы, когда переселялись из Балтики в Крым (впрочем, тогда его называли Тавридой)? Возможно, в видениях их жрецам было дано точное указание, где находится Асгард – страна их богов. Но нельзя исключать и того, что у вождей готских племён сохранялись с глубоких времён сведения о действительных местах обитания их предков и их небесных защитников. И тогда Крым для них превращается из просто вождельённого края в легендарную обитель богов.

Именно так теперь смотрел на Крым и я! Можете только представить, как вдохновляли меня совершённые мною и моими коллегами открытия. Какое воодушевление я испытывал, когда смотрел на гору Богатырь и явственно различал в чертах каменного исполина то божественное начало, которое следует назвать нашим великим наследием.

Бесспорно, готы, пришедшие когда-то в Крым и устроившие здесь свою страну Готию, оставили явный след в истории Крыма. Их родовая кровь влилась в кровь тех народов, которые жили здесь прежде, наполнив их новым содержанием. Это был немецкий след в истории Крыма. Ясный и конкретный.

Почему-то мне припомнился эпизод из собственной жизни в нашей немецкой колонии под Симферополем. Тогда дядя Карл вознамерился стать виноделом. И со всем энтузиазмом, присущим нашему роду, окунулся в новое для него занятие. Тогда же известный крымский винодел Лев Голицын, хваля старания моего дяди, предрёк, что он способен оставить немецкий след в русском виноделии. К сожалению, из этой затеи ничего не получилось – помешала Первая мировая война. Но какими пророческими были эти слова! Ведь дядя Карл возжелал оставить свой немецкий след в истории Крыма после того, как несколько лет проработал садовником в юсуповском имении в селе Коккозы. Фактически – в сердце обиталища асов, древнегерманских богов. Вот откуда он черпал свои силы и своё вдохновение!

И вот теперь я иду по следу своего дяди. Если бы он не приглашал меня к себе в гости, я бы никогда не получил тех юношеских впечатлений, которые помогли мне спустя несколько десятков лет преобразовать их в настоящие научные открытия. Я нашёл Асгард! И мои собственные исследования «немецкого следа» (который попытались оставить мой отец и мой дядя) наглядное тому подтверждение.

Зачем я рассказываю так подробно, если не сказать педантично, о своих переживаниях, о детстве и прочем? Да потому, что лишь тот, кто родился и вырос в Крыму, способен чувствовать глубину и безмерность его тайн. Другие люди воспринимают их схематично, без эмоционального и духовного наполнения.

Именно в этом состояло глубокое различие между мною, настоящим крымчанином, и пришлым полковником Карлом Фридрихом. Та неприязнь, которая возникла между нами вследствие крошечного эпизода освобождения из-под ареста местного парнишки, лишь усугубила непонимание друг друга. Всё дело в том, что он просто плыл по поверхности фактов и его интересовал результат. А я чувствовал глубину, нырял, доставая до дна, и знал суть. В этом отношении я был сильнее его. И данное обстоятельство Карла Фридриха раздражало, если не сказать – унижало. Но ни он, ни я не могли измениться и стать другими. Впоследствии эта неприязнь друг к другу приведёт к неожиданной развязке. Очевидно, каждый из нас желал оставить немецкий след в Крыму. Но виделся он нам по-разному...

Часть II

Казино для офицеров

1

Но я хочу вернуться к рассказу о самом юсуповском замке и о моих первых впечатлениях после тридцатилетнего перерыва. Конечно, детские воспоминания – это одно. А взгляд взрослого человека – совсем иное. Сейчас замок уже не казался таким величественным, и даже показалось, что он несколько вошёл в землю. Наверное, это внешнее впечатление связано с деревьями, окружавшими его со всех сторон. Их кроны-то замок и поглотили...

Моя первая экскурсия в сопровождении генерала Краузера прошла под большим впечатлением. Кстати, закончилась она в высшей степени неожиданной находкой. С нами следовало ещё несколько человек. В том числе загадочная личность по имени Теодор. Был ли он немцем – я не уверен. Этот человек отлично говорил и по-русски. Возможно, он вообще не Теодор, а Фёдор. Раньше я его никогда не видел. Откуда только его наш генерал вытащил?

Этот Теодор отлично ориентировался в замке и вообще неплохо знал всю усадьбу. Ясно, что он бывал здесь и прежде. В одном месте Теодор ткнул пальцем в какую-то стену и сказал: – Здесь!

Генерал Краузер тут же приказал её ломать, как будто только и ждал этого указания со стороны нашего нового знакомого.

Несколько солдат дружно приступили к работе. И вскоре за тонкими обоями проявилась кирпичная стена, а за ней – небольшая кладовая, забитая всякой рухлядью. В основном это были остатки мебели, вышедшей из употребления. Лицо Теодора, которое было крайне напряжено, теперь просветлело. Кажется, он не ошибся в определении места...

Пролом увеличили до уровня широкого прохода, растащив кирпичи в стороны. Я молча наблюдал за всеми этими действиями, не понимая толком, зачем требовалось устраивать ложную стенку, если за ней находятся лишь дрова, которые в лучшем случае годятся для камина.

Теодор первым забрался в эту каморку и стал шуршать в углу, как будто перебирал старые доски. Наконец он радостно крикнул:

– Есть!

Тут же солдаты стали выносить рухлядь и складывать её у стены, пока один из них не сообщил, что кладовая почти очищена и можно выносить.

– Только осторожней! – строго приказал Карл Краузер.

И тут же я увидел, как два человека вынесли деревянное кресло с высокой спинкой. Вещь была старая, если не сказать старинная. Происхождение её для меня было сокрыто. Но мой покровитель отнёсся к креслу так, как будто перед ним предстала настоящая реликвия.

Позже я узнал, что это кресло на самом деле является тронем. И здесь, в юсуповском охотничьем замке, его спрятали от большевиков. Но самому князю или его роду оно не принадлежало. Будто бы Юсуповым оно было передано русским императором Николаем II. Так что это царский трон. Но был ли он сделан специально для династии Романовых и кому лично из царей предназначался я, конечно, не знал. Вполне вероятно, что это вообще какой-либо дар. И до появления в России трон находился в ином месте и уже там считался реликвией.

Судя по тому, с каким благоговением генерал Краузер осматривал этот трон, мой шеф знал об этой находке многое. Впоследствии он мне сказал:

– Теодор оказал нам неоценимую услугу.

Я хотел расспросить о находке, но почему-то этого не сделал. Что касается Теодора, то больше я его никогда не видел. Кстати, из этой кладовки была извлечена ещё одна вещь. В небольшой коробочке лежал чёрный шар. После выяснилось, что это и не шар вовсе, а яблоко, вырезанное из чёрной кости. Генерал Краузер, разоткровенничавшись со мной, заверил, что это магический предмет. Настоящая святыня. С её помощью можно узнать многое...

Через несколько дней я написал дяде Карлу письмо, передав привет от его сада. Точнее сказать, правильнее вести речь о двух аккуратных парках и винограднике, который, кстати, дал в этом году обильный урожай. Я ел виноград и наслаждался его вкусом. Обещал в письме, что осенью, когда сокодвижение прекратится, нарежу лозы и отправлю её в Германию. Пусть дядя Карл заложит новый виноградник.

Почему-то мне казалось, что вслед за моим письмом в Германию уедут и наши находки. Но трон и чёрное яблоко остались здесь, в юсуповском замке. Генерал Краузер имел на них иные виды.

В юсуповском замке я не задержался. Обстоятельства заставили меня покинуть его. В Коккозы я вернулся спустя месяц и...

Генерал Краузер здесь многое поменял. Я говорю об охотничьем замке. На первом этаже была устроена бильярдная комната. А рядом с ней, в самом большом зале нижнего уровня, находилось настоящее казино. Получилось нечто, напоминающее небольшой развлекательный комплекс. Откровенно говоря, я никогда не замечал за моим шефом подобной увлечённости. Но в тот момент, не высказав удивления, я молча проследовал на второй этаж, где генерал Краузер отвёл себе две небольшие комнаты. Ещё в одной, предполагалось, буду жить я и один из офицеров. А гостиная – это самый большой зал – предназначалась для каких-то особых целей, мне пока неведомых.

Сообщу, что вскоре в горах развернулась настоящая партизанская война, и в прилегающие сёла стали стягиваться наши значительные силы. Они предназначались для подавления активности партизан. В Коккозах также разместились спецподразделения по борьбе с партизанами. Их штаб размещался на территории усадьбы князя Юсупова. А в замке теперь работало офицерское казино, где развлекались и отдыхали наши обер-лейтенанты и майоры после экспедиций в горы. Захаживали в казино и мы. Напомню, что по внешнему виду мы были неразличимы с офицерами спецподразделений. Поэтому невозможно было вычленил кого-то из «Группы 124» как представителей «Аненербе». Позже я понял, что это прекрасная маскировка, делающая нас и нашу работу абсолютно невидимыми. Генерал-то, молодец, заранее всё предвидел!

Кстати, я недурно играл в бильярд. С этой игрой мне пришлось познакомиться ещё в юном возрасте, в годы Гражданской войны. Так что я обыгрывал почти всех. Не знаю, откуда Карл Краузер притащил бильярдный стол, но играть на нём мне было очень комфортно.

А вот в казино я был новичком. Моя прежняя жизнь не способствовала игре в рулетку. Да и дядя Карл относился с предубеждением к подобному времяпрепровождению, считая казино пустой затеей. Я написал ему в одном из писем, что часто играю в казино. И это сообщение моего дядю крайне удивило. Откуда в России казино?

Кстати, большой гостиный зал, который долго пустовал, теперь стал штабом. Но не нашим, а спецкоманды по борьбе с партизанами. Теперь везде стояла охрана. В том числе и по периметру усадьбы Юсупова. На самой же территории появились танки. И теперь офицеры танкового батальона стали завсегдатаями казино. Там был один майор, который отлично играл в бильярд. Так что я обрёл равного соперника и друга.

К сожалению, наши отношения оказались краткосрочными. Он вскоре погиб. Нелепо.

2

Вся эта затея с казино и отдыхом для офицеров оказалась не просто маскировкой, но настоящим гениально продуманным планом генерала Краузера. Уж не знаю, сам ли он до этого додумался или ему кто-то подсказал устроить казино со «вторым дном», но в любом случае я своему шефу мысленно аплодировал. Сейчас сообщу, о чём идёт речь.

Один день в неделю, точнее – в четверг, казино и весь развлекательный комплекс для офицеров считались закрытыми. Сюда никто не приходил. Но подобный запрет не касался «Группы 124». На эти несколько часов охотничий замок поступал в наше полное распоряжение. И только сейчас для посвящённых открывался истинный смысл бильярда и казино.

Вначале несколько слов о моей любимой игре. Старые шары убирались, и вместо них появлялись особые, внешне ничем не отличающиеся от обычных шаров. Но вся изюминка заключалась в одном шаре с секретом. Он состоял из двух половин, подогнанных друг к другу так умело, что щель между ними не была заметна. Эти половинки соединялись с помощью резьбы. И стоило слегка их повернуть, как шар распадался. А внутри него была выдолблена ниша, в которой помещался большой драгоценный камень голубоватого тона. Я не ювелир и плохо разбираюсь в подобных вещах, но и так было ясно, что камень тянет на целое состояние.

Но цена его была иная. Мы знали, что он имеет магическую силу. К сожалению, история этой драгоценности мне не была известна, хотя я чувствовал очень длинный шлейф всевозможных событий, уходящий в глубокое прошлое. Сейчас речь не об этом.

Искусные мастера, поместившие драгоценный камень в шар, продумали и то, чтобы он не распался при ударе по нему кием. Зато шар раскрывался на две половинки, когда падал в лузу. Я долго пытался понять эту таинственную механику, но так и остался в неведении, что именно заставляло шар распадаться.

Этот шар нёс свою задачу. Он служил испытанием для новичков. Напомню, что состав «Группы 124» менялся. К тому же к нам на короткое время прикомандировывались люди из других структур «Аненербе» либо такие, как Теодор, которых находил сам генерал Краузер. Все они проходили испытание бильярдом. Скажу, как именно. Если новичку удалось запустить искомый шар (о назначении которого он даже помыслить не мог!) в лузу и он открывался, то к такому человеку у нас появлялось особое внимание. Считалось, что он наделён уникальными способностями и его следует привлечь к проекту «Замок». Внешне это походило на игру. Но генерал был уверен, что замок князя Юсупова сам отбирает нужных нам людей.

Ко всему вышесказанному можно отнестись с усмешкой. Только я так скажу – через испытание этим шаром в конце концов прошли все. Что же касается нашего «мозгового центра», то мы не раз пользовались услугами бильярда, чтобы проверить ту или иную версию. Можно сказать, что это было гадание на кофейной гуще. Но реальная польза от подобного действия была. А это – самое главное.

Меня ещё поражали кии, которые мы брали в руки во время игры с особым шаром. К обычным, которыми пользовались офицеры, они не имели никакого отношения, хотя бы потому, что хранились в особом месте. К тому же были очень дорогими. Я с особым благоговением брал их в руки. Прежде никогда подобные кии мне не попадались. Жаль, люди, далёкие от бильярдной игры, или просто любители, которых среди наших было большинство, не могли по достоинству оценить эти кии. И где их генерал Краузер только раздобыл?

Но основной примечательностью замка, конечно, стало казино. А точнее – тот двойной смысл, ради которого оно и открывалось. В центре зала стоял стол с рулеткой. Он был доставлен в Коккозы из Берлина специальным рейсом и, очевидно, прежде где-то уже использовался для обычной игры.

Главным был здесь барабан, который считался колесом фортуны, способной либо одарить, либо пустить все надежды прахом. Но нас обычная игра не удовлетворяла. Не для этой цели «Группа 124» закрывалась в замке Юсупова по четвергам.

За этим барабаном мы обговаривали насущные планы и высказывали предположения по тем или иным находкам. Здесь же проводили наши магические ритуалы, направленные на проявление прошлого. Рулетка и была тем инструментом, который участвовал в таком необычном действе. Но это уже была не игра. Это явное проникновение в тайны этих мест. Своего рода наука, ведущая к быстрым открытиям. Здесь мы научились разбивать громадные цепи, которые накрепко сковали прошлое, и шаг за шагом проникали в неизвестное.

Со стороны наши действия могли показаться детской шалостью. И новый человек, оказавшийся в нашем кругу, счёл бы нас за людей, оторвавшихся от реальности и витающих в мире иллюзий. Но даже я, чистый рационалист, склонный доверять лишь конкретным фактам и далёкий от подобных умозрительных игр, в конце концов поверил в силу вращающегося барабана. Эта рулетка способна была выдавать такое, что волосы дыбом вставали. Как будто мы имеем дело не с механикой, а с живой сущностью, интеллектуально очень одарённой и, я даже сказал бы, высшего порядка.

В самом деле, у рулетки имелся один, точнее даже два секрета. Просто один был явный, о котором я сейчас скажу. У барабана, который мы вращали, имелась ручка, с помощью которой ему и задавалось движение. Так вот, на эту ручку во время наших ритуалов с рулеткой надевался чёрный шар-яблоко из кости. Напомню, мы его обнаружили в схроне юсуповского дворца. Генерал Краузер считал этот предмет магическим. Мой шеф вообще был склонен к мистике, и весьма значительно. И я иногда внутренне над ним посмеивался, считая подобный образ жизни слишком легковесным и способным навредить самому Краузеру. Но в случае с яблоком он, скорее всего, был прав. Иначе зачем бы его так прятали? Впрочем, у генерала имелись какие-то точные сведения по поводу качеств яблока и его прошлого, но мой патрон предпочитал на сей счёт не распространяться.

Я сам несколько раз явственно испытывал влияние вращающегося колеса рулетки, пущенного в движение посредством рукояти с набалдашником-яблоком. У меня либо начинала сильно болеть голова, либо возникали перед глазами картинки. Иногда мутные, неясные, иногда конкретные, как будто видишь перед собой кинохронику. К сожалению, никакой конкретной выгоды от этих видений я не извлёк. У меня не хватило таланта их понять и расшифровать. Всё-таки я не медиум...

Хорошо, что рядом со мной за одним столом часто восседал доктор Вайсберг. Он каким-то непостижимым образом умудрялся схватывать суть увиденного и толковал так, что ясность возникала в головах остальных. Был ещё Вольдемар Гольденберг. Он видел будущее. Но, к сожалению, для того чтобы проверить, правду ли он говорит, требовалось дожить до дня исполнения его пророчеств. В условиях войны, да и вообще вследствие нашей скоротечной жизни, трудно было поручиться, что такая возможность кому-то из нас будет предоставлена. Тем не менее, Вольдемар, особенно в дуэте с Эрихом (так звали доктора), способен был истолковывать то, что «выдавала» рулетка, связно и грамотно. Иначе какая бы от них была польза?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.